

Молодой человек был безупречно одет в сшитый на заказ черный костюм из дорогой ткани, гладко выглаженный, с тщательно выровненными складками на рукавах с манжетами.

Его открытая кожа была неестественно бледной, почти болезненной. Волосы и глаза, унаследованные от отца, имели более глубокий оттенок серебристо-серого цвета и обрамляли лицо с острыми, суровыми чертами, излучающее атмосферу недоступной холодности.

За ним следовала команда высококвалифицированных телохранителей Альфа. Их, казалось бы, непринужденные позы скрывали постоянную бдительность, блокируя все возможные углы атаки сзади.

На мгновение ветер утих, деревья замерли, и время как будто растянулось. Ши Цзянь услышал свой собственный голос с поразительной ясностью: «Брат...»

Молодой человек ответил мягким «Хм», возвращая сокола в свое ментальное море.

Муй Е давно избавился от своего обычного легкомысленного поведения и с недоверием смотрел на молодого человека, который редко появлялся за пределами новостных заголовков — самого молодого кандидата в верхнюю палату Федерального сената, которого часто хвалили за то, что он превосходил своих предшественников.

Он также был Ши Сюй, биологическим старшим братом молодого господина Ши Цзяня, которого Муй Е только что наказал.

Его взгляд перемещался между ними, сдержанный, но испытующий.

Они были похожи. Но... не совсем.

Холодная, неуступчивая аура Ши Сюя затмевала его яркие черты лица, из-за чего было легко не заметить его значительную красоту. Напротив, четыре или пять черт сходства в глазах и бровях Ши Цзяня усиливались до красоты, превосходящей десять частей, благодаря чему первое, что замечали в нем, — это его беспрекословная, пленительная красота, а затем — слабый, холодный и гордый настрой, который витал в его отстраненном взгляде.

В конце концов, взгляд Муй Е снова остановился на Ши Цзяне.

Тонкие губы мальчика были привычно сжаты, его выражение лица было практически нечитаемым, как безветренный пруд. Но слабый блеск в его глазах, как рябь на гладкой воде, позволил Муй Е увидеть ожидание, которое юноша тщательно скрывал.

Возможно, он сам этого не осознавал, но его взгляд непрерывно следил за Ши Сюй, как гордый бродячий котенок, который, ударяя хвостом по земле, вежливо, но беспокойно ждет, пока человек заберет его домой.

«Президент Антонио пригласил меня на церемонию открытия месяца специальной подготовки первокурсников. Я только что пришел с мероприятия», — сказал Ши Сюй. Его губы были тонкими, как лезвие, острыми, как нож.

Эти тонкие, как лезвия, губы резали глубже, чем самый холодный зимний ветер. Слабые, ранее незаметные следы на руках Ши Цзяня и под его одеждой внезапно начали чесаться, превращаясь в густую, жгучую боль, как распускающиеся красные лотосы.

Инстинктивно он спрятал руки за спиной.

Каждый учитель, который когда-либо преподавал Ши Цзяню, хвалил его ум. Так как же он мог не разглядеть истинный, невысказанный смысл этих простых слов?

Ши Сюй на самом деле имел в виду: «Все остальные были на месте проведения мероприятия. Почему ты не был там?»

Почему инструктор выделил тебя, чтобы ты остался здесь?

Почему ты не был представителем первокурсников, произносившим речь?

Поле зрения сокола исключительно широкое: монокулярное зрение простирается до 300 градусов, а перекрывающееся зрение — до 120 градусов. Их сетчатка содержит в пять раз больше колбочек, чем у человека. Все, что мог видеть сокол, должен был видеть и его брат.

Ши Цзянь сжал руки за спиной, нервно теребя большие пальцы, его мысли были несколько разбросаны.

Он ожидал, что Ши Сюй спросит о красных следах на его руках, или о том, как он адаптируется к жизни в военной академии, или о том, не издевается ли над ним кто-нибудь.

Но нет.

Ши Цзянь совсем не ожидал увидеть своего брата в Первой военной академии. В тот момент, когда их взгляды встретились, в нем поднялась волна слов, вещей, которые он вдруг захотел сказать.

Например, пожаловаться на Ю Чена из Первого военного округа, который, хвастаясь своим более высоким уровнем феромонов, привел людей, чтобы унижить его. Или на своего соседа по

комнате, который смотрел на него свысока за то, что он «потянул за ниточки», чтобы поступить в академию. Или на вульгарного и высокомерного инструктора Альфа, который всегда его наказывал...

Потому что раньше так и было.

Когда он был моложе, некоторые Альфы прибегали к невероятно детским и грубым тактикам, чтобы привлечь его внимание: писали любовные письма, блокировали дверь его класса, настаивали на том, чтобы проводить его домой, запрещали другим играть с ним...

Всякий раз, когда Ши Цзянь изливался Ши Сюя о своих подростковых разочарованиях, как будто выбрасывая мусор, его старший брат, который был почти на десять лет старше его, в тот момент молчал. Но вскоре эти надоедливые Альфы неизбежно уползали с лицами, побитыми и опухшими от родительских побоев, и больше не смели приближаться к нему.

Кто же был его старший брат? Самый многообещающий младший офицер в военных кругах, самый молодой кандидат в Верхнюю палату. Каждый старейшина, который с ним встречался, хвалил его как вундеркинда и опору нации. Достаточно было пары слов перед родителями этих Альф — прямого вмешательства не требовалось. Родители, разочарованные своими своенравными сыновьями, брали дело в свои руки и тащили своих отпрысков, чтобы те лично извинились.

Ши Цзянь с детства в совершенстве овладел тактикой использования влияния своего брата.

Но в тот момент, когда Ши Цзянь понял разочарование, скрытое за словами Ши Сюя, его желание поделиться секретом внезапно исчезло. Это было похоже на самый отчаянный момент прошлой ночью, когда он проснулся, дрожа от холода, и его ум прокручивал бесчисленные контакты, прежде чем в конце концов сдаться — сознательно отзывая те щупальца, которые он уже вытянул.

Резкие слова Вэнь Юаня, хотя и были жесткими, не были лишены правды. Он больше не был Омегой, автоматически лишенной права вести себя избалованно или искать защиты у своего брата.

Теперь он был Альфой. Как сказал его отец, на него лежала ответственность, и ему предстояло повзрослеть.

Тем не менее, Ши Цзянь все же сделал шаг к Ши Сюй. «Брат, я действительно хотел...»

«Встреча, организованная школой, начнется через десять минут. Тебе следует пойти и подготовиться», — вступил в разговор помощник Ши Сюя.

«Я знаю».

Ши Сюй повернулся к Ши Цзяню. Его младший брат подкрался к нему, как хитрый котенок, и он поднял руку и потрепал кота по шерсти.

Фраза Ши Цзяня осталась недосказанной.

Прибытие и отъезд Ши Сюя были одинаково внезапными. Его график был плотно забит, не оставляя места — ни времени — для лишних слов.

«Ты только недавно проявил себя как Альфа. Темп академии может показаться тебе сначала непосильным, но ты всегда отличался от других. Для тебя это должны быть лишь незначительные трудности», — сказал Ши Сюй. «Надеюсь, что в следующий раз, когда я приеду, ты будешь выступать с речью как представитель студентов».

«Я буду аплодировать тебе из зала».

«...Мм».

«Я... я буду стараться».

Невысказанное давление, вместе с теплом этой сухой ладони, перешло к Ши Цзяню. Это было как стоять под солнечным дождем — не совсем холодным, но и не совсем прозрачным.

Ядовитые синие грибы раскрывали свои шляпки, молча плесневея во влажных, покрытых мхом щелях.

Ши Цзянь стоял, выпрямившись, обдумывая возможность, выходящую за рамки сопротивления и бунта — возможно, последовать совету инструктора и с неохотой перетерпеть четыре года в военной академии. Как сказал Муй Е, даже просто притворство сделает всех счастливыми.

Если он поступит так, как ожидают его отец и братья, выполняя обязанности Альфы, возможно, тяжелая ситуация улучшится, пусть даже немного...?

Ши Цзянь широко раскрыл глаза, полные растерянности и неуверенности. Он не знал, был ли этот выбор правильным. Внезапное изменение судьбы не дало ему времени на адаптацию. Все просто указали ему направление, сказали, где находится финишная черта, но никто не объяснил, как туда добраться. Он мог только слепо спотыкаться вперед, избитый и окровавленный.

Он стоял под дождем, который чувствовал только он, наблюдая за удаляющейся фигурой Ши Сюя через завесу дождя. Этот момент тянулся долго и медленно, и в этом силуэте он видел больше, чем просто одного человека.

Сделав несколько шагов, Ши Сюй обратился к своему помощнику: «Не торопи меня в его присутствии. Я знаю, как распоряжаться своим временем».

Помощник склонил голову. «Простите, господин Ши».

Ши Сюй больше не обращал на него внимания, его взгляд скользнул в сторону Муй Е, который небрежно насвистывал, постепенно удаляясь.

«.....» Их взгляды встретились. Муй Е посмотрел на небо, потом на землю, потом стал ковырять отслаивающуюся краску, невинно насвистывая.

*Какая стена.

*И такой зеленый мох.

Ши Сюй сделал паузу, затем тихо проинструктировал своего помощника: «Отведи его в временный офис. Я поговорю с ним после церемонии открытия».

«Да, сэр».

*

Ши Цзянь оставался за стеной игровой площадки весь день, не чувствуя голода.

На дневные занятия по военной теории он пришел первым.

Он выбрал место в самом конце. Несмотря на то, что он решил временно успокоиться и пройти эти четыре года в военной академии, Ши Цзянь все еще инстинктивно сопротивлялся всему, что с ней связано.

Он все еще хотел уйти отсюда.

Когда зазвенел звонок, студенты вошли с книгами в руках. Как только кто-то входил в класс, он замечал мальчика, сидящего у окна в последнем ряду и притворяющегося спящим, и удивленно замирал.

Прохладный осенний ветер заставлял белые марлевые занавески трепетать, а страницы книг шелестеть, поднимая несколько прядей его длинных волос, голубых, как высокое небо.

Его белоснежная кожа сияла под лучами солнца, излучая внутренний свет, мерцая, как звезды, разбросанные под органзой. С закрытыми глазами он был тихим и безмятежным, как

плывущее облако — легким, мягким и свежим от влаги.

Старинные часы над мультимедийной доской тикали, и звук секундной стрелки заставлял время казаться медленным и затянутым. Никто не ожидал, что в такой обычный, сонный день один человек сможет создать такой внезапный, трогательный момент в их жизни.

Студенты колебались, выбирая места. Некоторые Альфы зашевелились, но, как только они сделали шаг к последнему ряду, они резко почувствовали изменение в атмосфере вокруг них — мрачные взгляды коллективно обрушились на них, как волна, образуя опасный подводный течение под спокойной поверхностью.

Пот выступил на лбу Альфы. После внутренней борьбы, о которой никто не знал, он в конце концов остановился и выбрал место подальше от этого человека.

Эта сцена повторялась в течение следующих тридцати минут. В открытом классе, наполненном шепотом, похожим на жужжание комаров, в результате образовалось большое пустое пространство с Ши Цзянем в центре.

Ох. Изоляция.

Как скучно.

подумал Ши Цзянь.

Однако в местах, которые он не мог видеть или заметить, десятки глаз тайно наблюдали за ним.

Даже после того, как прозвенел звонок, в классе не наступила полная тишина. Муй Е вошел лениво, его обычное высокомерие сменилось совершенно подавленным видом, как у увядшего растения. Даже его призыв «Начинаем урок», когда он постучал по доске, прозвучал слабо.

Опираясь на кафедру, он подпер подбородок рукой и лениво проверил присутствующих.

«Энгли...»

«Сю Бай...»

.....

«Шэнь Синчуань...»

«Ши...»

Муй Е сделал паузу, подняв взгляд, с опозданием осознав источник той смутной странности, которую он почувствовал, войдя в класс.

«Ши Цзянь».

«Здесь».

Ши Цзянь ответил нейтрально, полагая, что этот проблемный преподаватель снова собирается подшутить над ним. Но Муй Е лишь взглянул на него с кажущейся полной безразличностью.

«Почему вы все сидите так далеко? Сохраняете передние ряды для кого-то, кто хочет открыть магазин мороженого? Думаете, я на это куплюсь? Все, кто сидит в последнем ряду, пересядьте в передний».

Ши Цзянь, единственный, кто сидел в последнем ряду: «...»

Он слишком рано заговорил.

— Этот парень определенно не в себе. Seriously не в себе.

Ши Цзянь вздохнул, собрал свои книги и пересел в первый ряд.

Все Альфы повернулись, чтобы посмотреть на него. Многие шептались между собой, и в записках, которые часто передавали друг другу, часто упоминалось его имя.

Между тем, другие скрытые чувства передавались только мимолетными взглядами.

Сю Бай тоже сидел в первом ряду — помощники часто работали усерднее, чем их подопечные.

Он колебался всего секунду, прежде чем темноволосый Альфа, сидевший рядом с ним, первым встал и предложил ему свое место, легкомысленно улыбаясь Ши Цзяню: «Можешь сесть сюда».

В мгновение ока десятки враждебных взглядов обрушились на него, как насекомые.

Под вопросительным взглядом мальчика Альфа небрежно сказал: «Я Шэнь Синчуань. «Синчуань» означает «путешествие по знаменитым рекам мира».

<http://bllate.org/book/15712/1405244>